

Лу Сяофэн достал небольшую деревянную табличку. На одной её стороне был вырезан символ Божественного Топора Врат Лу Баня, а на другой — два иероглифа: «Юэ Цин». Лу Сяофэн, Хуа Маньлоу и Тан Мочэнь уже видели похожую табличку. На той также был символ Божественного Топора, но на другой стороне значилось имя Чжу Тин.

Это была табличка, подтверждающая завершение обучения в Вратах Божественного Топора Лу Баня. Каждое поколение учеников должно было пройти испытание — создать механизм, который удовлетворил бы их учителя. Только пройдя это испытание, ученик получал такую табличку. С ней он официально признавался членом Врат Божественного Топора, поэтому эти таблички всегда носили с собой.

Теперь же эту табличку в потайном ходе нашёл Тан Мочэнь. Это означало, что Юэ Цин действительно не погиб во время той эпидемии. Если бы он умер и был кремирован, табличка не могла бы оказаться в этом тайнике. Вероятнее всего, её намеренно оставили там, когда Юэ Цина насильно уводили.

— Похоже, те, кто похитил Юэ Цина, ушли через этот потайной ход.

— Ты подозреваешь тех двух стражников, которые занимались эпидемией?

— Скоро узнаем.

Больше они не обменялись ни словом. Лу Сяофэн вдруг понял, куда отправился Сыкун Чжайсин. Двое продолжили пить вино в зале, ожидая его возвращения. Сыкун вернулся только к вечеру, принеся с собой книгу.

Лу Сяофэн взял книгу и стал быстро её листать, словно что-то искал. Вскоре он нашёл нужное.

— Хуа Маньлоу, ты был прав.

В книге содержались записи о жертвах эпидемии в деревне, где жил Юэ Цин. Его имя там было, но не хватало одного — его дочери. Соседи Юэ Цина говорили, что за несколько дней до его смерти девочку больше не видели.

Если бы Юэ Цин действительно умер от эпидемии, его дочь, которая была с ним постоянно, скорее всего, тоже заразилась бы. Если бы она сбежала, то могла бы распространить болезнь в других городах. Это было бы слишком большим риском для тех двух стражников, которые занимались эпидемией. Они не могли просто проигнорировать это.

Однако в книге не было имени дочери Юэ Цина. Значит, её не кремировали, и жители деревни больше её не видели. Куда же она исчезла? Чжу Тин говорил, что у Юэ Цина, кроме дочери, не было других родственников.

Тогда дочери Юэ Цина было около восьми лет. Она не могла выжить одна. Единственный выход — обратиться к Чжу Тину, старшему ученику Юэ Цина. Но такой девочки никто не видел. Возможно, она не смогла сбежать. Или её нашли.

Если бы кто-то угрожал Чжу Тину его собственной жизнью, он бы поддался. Но если бы речь шла о том, кого он любит, он бы уступил. Юэ Цин был таким же. Те, кто заставил его сделать печатные формы, вероятно, угрожали его дочери.

Они уже догадались, где находятся Юэ Цин и его дочь. Оставалось только подтвердить это. После обсуждения они решили, что Лу Сяофэн отправится в храм Юньцзянь. У Сыкуна

Чжайсина были свои дела, а Хуа Маньлоу, будучи слепым, не мог заниматься таким заданием. Поэтому Лу Сяофэн пошёл один.

После разговора Хуа Маньлоу отправился в комнату Тан Мочэня. Хотя ужин уже был доставлен слугами, он всё же волновался. Что, если Тан Мочэнь всё ещё злится? Что, если он не будет есть? Дети часто отказываются от еды, когда злятся. Поэтому Хуа Маньлоу решил проверить.

В комнате Тан Мочэня не было света. Мальчик всё ещё размышлял, почему его старший брат Хуа вдруг на него разозлился. По поведению Хуа Маньлоу он понял: если не осознает свою ошибку, брат не простит его.

Тан Мочэнь вспомнил, как в Цзянь Сань его «глупая курица»-наставница рассердила учителя. Тогда она пришла в Крепость Тан, но учитель её игнорировал. В итоге её сильно избили его сёстры, заставили написать письмо с раскаянием и повесить его на стене крепости, пообещав больше не ошибаться.

Учитель Тан Мочэня был известным мастером из Крепости Тан, а его наставница — вторым сыном семьи Поцзюнь с озера Сиху. Хотя она настаивала, что она «учитель-отец», а не «учитель-мать», Тан Мочэнь упорно называл её «учитель-мать», потому что учитель сказал, что «женится» на ней и привёл в крепость.

Тан Мочэнь серьёзно подумал о том, чтобы последовать её примеру. Хотя она получила несколько синяков, учитель её простил. Может, стоит попросить своих братьев, Четвёртого и Пятого, избить его, а затем написать письмо с извинениями и повесить его у входа в Башню Ста Цветов? С учётом примера своей наставницы Тан Мочэнь решил, что этот метод вполне подходит.

— Хуа-гэ.

— Маленький Чэнь всё ещё злится на Хуа-гэ? Хуа-гэ обещает больше не бить тебя, но ты тоже должен пообещать, что больше не будешь рисковать в одиночку.

Тан Мочэнь поднял голову и посмотрел на Хуа Маньлоу. Чтобы они могли охотиться в темноте, Зал Обратного Удара специально тренировал убийц видеть в темноте. Поэтому, несмотря на отсутствие света, Тан Мочэнь разглядел на лице Хуа Маньлоу лёгкое беспокойство. Мальчик не понял: разве это не Хуа-гэ злился на него? Почему теперь он беспокоится, что Тан Мочэнь злится на него?

Но Тан Мочэнь не стал углубляться в причины. Главное, что Хуа-гэ больше не злится на него. Что касается плана, раз Хуа-гэ не сердится, то его можно отменить. Интересно, как бы Хуа Маньлоу отреагировал, если бы Тан Мочэнь всё же решил его осуществить.

Ночью Хуа Маньлоу спал вместе с Тан Мочэнем. Травмы на попе мальчика заставляли его спать только на животе. Хуа Маньлоу, беспокоясь, что Тан Мочэнь может во сне повредить раны, остался с ним. В кровати Тан Мочэнь лежал на Хуа Маньлоу, а тот обнимал его правой рукой. На лице спящего Хуа Маньлоу была улыбка — не та привычная скромная улыбка, а улыбка, полная спокойствия и счастья. На лице Тан Мочэня тоже была улыбка.

Лу Сяофэн прибыл в храм Юньцзянь, когда уже стемнело. Все паломники ушли, и в храме остались только Сяэр с матерью и монахи.

Ночью храм казался зловещим. Лу Сяофэн заметил, что охрана здесь была очень строгой.

Через определённые промежутки времени мимо проходили патрули монахов. Лу Сяофэн осторожно избегал их, направляясь к месту, которое указал Хуа Маньлоу. Это было жилище Сяэр и её матери, расположенное на западе храма.

Лу Сяофэн заметил, что чем ближе он подходил к указанному месту, тем строже становилась охрана. Он остановился напротив дома и спрятался в укрытии. Подойдя ближе, он увидел, что снаружи дома Сяэр и её матери скрывались как минимум четыре человека. Попасть внутрь, не потревожив их, было невозможно.

Внезапно дверь их комнаты открылась, и оттуда вышла девушка лет пятнадцати. В руках она держала таз для воды. Выйдя, она направилась к колодцу поблизости, совершенно не обращая внимания на патрулирующих монахов.

Лу Сяофэн понял, что это и есть Сяэр, о которой говорил Хуа Маньлоу. Колодец, к которому она шла, находился близко к его укрытию. Когда Сяэр набирала воду, она оглянулась на монахов, и в её глазах читались отвращение и ненависть.

|

<http://bllate.org/book/16231/1458297>